

Елена Руденко

Восточнославянские латинографические тексты Великого княжества Литовского

Abstract

The Grand Duchy of Lithuania is a significant milestone in the formation of the Belarusian ethnicity. Ethnic, religious, linguistic and graphical diversity was a key feature of the Duchy. The same characteristics were typical for the Slavic population of the state, too. The Slavic languages formed a continuum, which included a series of intermediate types. This continuum included, first of all, such languages as Church Slavic, «prosta mova» in its Belarusian and Ukrainian variants, Polish. «Prosta mova» was an official East Slavic language of the Grand Duchy of Lithuania. Texts in «prosta mova» were written in different graphic systems: Cyrillic, Latin and even Arabic letters. The article is devoted to the earliest texts in «prosta mova» written in the Latin alphabet. Types, genres, style and specific features of these texts are analysed. The author considers such texts to be hybrid ones, and proves that they were not only transliterations of foreign sources, but also original works, especially in judicial writing.

Keywords: The Grand Duchy of Lithuania, Belarusian Latin alphabet, East Slavic languages, styles and genres, «prosta mova», graphic system, hybrid texts

Введение

В использовании представителями одного этноса той или иной системы письма, той или иной графической традиции наиболее простой является ситуация, когда этнос использует один язык и одну графическую систему, причем эта ситуация остается неизменной с момента появления письменности на данном языке. Очевидно, что мультилингвализм этноса и многоязычность социума – более сложные случаи. Если отвлечься от сложных проблем многоязычных языковых ситуаций и остановиться только на типологии развития график, то выяснится, что можно привести немало примеров попеременного или одновременного использования разных систем письма в одном социуме, перерывов в их использовании, комбинирование разных график и т. п. Как

правило, серьезные изменения в графической традиции связаны с переломными, сложными моментами эволюции этноса (см., например, Alpatov 2015, Томеллери 2015) и/или с интенсивными межэтническими контактами (см. Онъибене 2015). Такие коллизии в развитии письменности были, конечно, и в истории славян – об этом идет речь в сборнике “Slavic Alphabets in Contact” (Tomelleri & Kempgen 2015). Одним из примеров такого рода является использование разных графических систем в Великом княжестве Литовском.

Языки Великого княжества Литовского

Великое княжество Литовское [далее сокр. ВКЛ] – древнее государство, которое зародилось на территории современной Беларуси. Условной датой его основания считается 1236 год – образование небольшого княжества со столицей Новгородком (современный город Новогрудок). С момента основания княжество было полиэтничным, и по мере расширения его границ эта черта только укреплялась. Полиэтничность выражалась, в частности, в том, что на территории ВКЛ были распространены разные языки. Не останавливаясь на языковой ситуации в ВКЛ, которая была неоднократно описана (Мечковская 1996: 106, Клімаў 2013: 65 и мн. др.), перейдем к графике.

Соотношение языковой, конфессиональной и графической ситуаций в ВКЛ достаточно полно освещалось в предшествующих работах (см. Иванов 2003, Клімаў 2013, Суркова 2015 и др.). В ВКЛ были распространены как минимум три графические системы: кириллица, латиница, арабское письмо; были и другие, менее распространенные (Иванов 2003, Темчин 2011, Кожинава & Суркова 2013), – каждая из которых обслуживала более одного этноса.

В данной статье мы хотели бы остановиться только на одном аспекте многоязычной и мультиграфической ситуации в ВКЛ, а именно на текстах, писанных латиницей. В ВКЛ латиницей традиционно записывались тексты на латинском и польском языках, с XVI в. – на литовском языке. Степень представленности текстов на латинском и польском языках и их значимость для культурного становления общества в целом обозначены в (Сур-

кова 2015: 113–117) и в работах других авторов. Обратимся только к латинографичным текстам на восточнославянских языках – наименее изученному фрагменту ранней восточнославянской письменности.

Из славянских языков, употреблявшихся на территории ВКЛ, релевантными для нашего исследования являются «русский», или рутенский (проста мова) с белорусским и украинским вариантами, а также церковнославянский и польский языки. Все названные языковые образования были представлены на территории ВКЛ письменным и устным вариантами.

Во времена расцвета ВКЛ за названием «русский язык» скрывались три разных языка: упомянутая выше «проста мова», церковнославянский язык и старорусский язык – предшественник современного русского языка. В случае настоятельной необходимости различить их современники прибегали к дополнительным дефинициям: литовско-русский, книжно-русский, московско-русский.

Письменно-литературным и официальным языком ВКЛ в 14–17 вв. был язык, который в то время называли «руським», или «простой мовой», и который впоследствии именовался по-разному: старобелорусский, староукраинский, западнорусский (литературно-)письменный язык, рутенский язык, южнорусский язык, росский, русиньский, славянский язык Великого княжества Литовского, канцелярский язык Великого княжества Литовского и др. Он представлял собой смешанный книжный язык, который развился из местного варианта общевосточнославянского языка, с постепенным проникновением местных черт (как украинских, так и белорусских) и небольшим влиянием (по сравнению со старорусским) церковнославянского. О «простой мове», писал Б. А. Успенский:

«проста мова» отнюдь не совпадает с живой диалектной речью, представляя собой до некоторой степени искусственное образование. Само [...] выражение *проста мова* восходит к лат. *lingua rustica* [...], иначе говоря, это книжное по своему происхождению выражение. Отличия «простой мовы» от диалектной разговорной речи очень четко осознавались в Юго-Западной Руси (Успенский 1994: 66).

И далее:

«проста мова» противопоставляется как церковнославянскому языку, так и диалектной украинской или белорусской речи. Однако, в отличие от церковнославянского языка этот язык обнаруживает несомненный разговорный субстрат, который подвергается искусственному книжнению за счет, во-первых, славянизации и, во-вторых, полонизации. Соответственно могут быть выделены два варианта «простой мовы» — украинский и белорусский: украинский вариант более славянизирован, белорусский в большей степени полонизирован. Границы между «простой мовой» в ее белорусском варианте и польским языком оказываются при этом весьма нечеткими: в предельном случае тексты на простой мове» могут приближаться к кириллической транслитерации польского текста (Успенский 1994: 68).

В отличие от разговорных украинского и белорусского, письменный язык долгое время был единым для всех западнорусских земель, так что для некоторых текстов нельзя сказать, в какой области они написаны. Письменный интердиалект отличался от местных разговорных наречий, однако следует отметить, что, как и в старорусском (московско-русском) языке и в устной разговорной речи ВКЛ, и в письменном языке обнаруживались диалектные особенности, в первую очередь раннебелорусские и раннеукраинские, и далее с более дробным диалектным членением.

Жанровая принадлежность старобелорусских латинографичных текстов

О латинографичных текстах именно на этом языке – «простой мове» (чаще будем называть его старобелорусским) пойдет речь ниже. Письменный язык ВКЛ неоднороден, его характеристики зависят от:

- 1) жанровой принадлежности памятника письменности;
- 2) региона ВКЛ;
- 3) периода развития ВКЛ.

Остановимся в нескольких словах на каждой из названных составляющих. В письменном языке ВКЛ можно условно выделить три стиля: высокий (конфессиональная, преимущественно переводная литература), средний (летописи и др.) и сниженный (прежде всего деловая письменность). В ранний период существования княжества высокий стиль представлял церковнославянский язык, который, приобретая некоторые восточнославянские черты (фонетические, грамматические и лексические), приближался к местным диалектам. По мере «снижения» стиля церковнославянские элементы все более заменялись местными. В зависимости от объекта описания и типа произведения язык среднего стиля, к которому относились исторический (например воинские повести), светско-художественный (например летописи), художественный и ораторский, или публицистический, жанры, изменялся от почти чисто церковнославянского до почти чисто народного. Сниженный стиль может быть обозначен таким образом только условно. Как сказано выше, это преимущественно деловая письменность, позже, в конце XVII – начале XVIII вв., в рамках низкого стиля писались интермедии и интерлюдии. В нем проявляются местные украинские / белорусские черты.

В основе «простой мовы» лежит актовый канцелярский язык Юго-Западной Руси, официально признанный в польско-литовском государстве как язык судопроизводства. Этот язык, постепенно теряя функции делового языка, становится литературным языком в широком смысле, т.е. употребляется и вне деловых текстов. Став языком литературы (в том числе и конфессиональной литературы), этот язык подвергся нормированию (главным образом на уровне орфографии и морфологии). Таким образом, «проста мова» представляет собой книжный (литературный) язык, возникший на основе делового государственно-канцелярского языка Юго-Западной Руси. [...]. Статус государственного языка способствовал кодификации простой мовы. В то время как язык частных и местных актов и грамот в силу своей ограниченности, локальной направленности носит следы местного говора, иногда доходя почти до транскрипции живого произношения и живых форм речи, канцелярский язык тяготеет к стандартизации и кодификации (Успенский 1994: 67–69).

Латинографичные тексты на старобелорусском языке стали появляться вследствие общеизвестных причин: мультязычности,

мультиконфессиональности ВКЛ; Люблинской унии (1569) – создания федеративного государства с двумя официальными языками – старобелорусским и польским; широкого проникновения ренессансных идей из Европы, которое осуществлялось посредством латинографичных текстов (преимущественно на латинском и польском языках). Е. Ф. Карский писал:

Пропорционально увеличению оторванности от Московской Руси в Литве увеличивается общение с Западом. Оно естественно проистекало уже из географического положения Западной Руси, в некоторых местах очень близко соседившей с западными государствами. Однако же это общение с Западом в большинстве случаев было посредственное, и естественной посредницей была Польша, уже сравнительно рано усвоившая разные особенности западного государственного строя и жизни [...]. Это общение особенно усилилось после известной Люблинской унии (1569 г.), когда Литва приняла в себя обильный приток польской шляхты, говорившей по-польски. Иногда обращались и к языку латинскому, который тоже был известен здесь очень многим, особенно из знати. [...]. Вообще в это время в Западной Руси легче было найти человека, знающего латинский и греческий языки, нежели церковнославянский (Карский 1921: 5–7).

Назовем самые ранние латинографичные документы разных жанров.

По утверждению многих исследователей, на старобелорусском языке существовала религиозно-богословская литература, писанная латинографичным письмом (Давідоўскі 2013, Клімаў 2013: 64, Суркова 2015: 123). Большая часть литературы такого рода создавалась и использовалась в униатской церкви, в лингвистической литературе я нашла упоминания о рукописях и опубликованных текстах такого рода (Давідоўскі 2013), а также две статьи А. А. Суши о белорусскоязычных униатских латинографичных текстах, обнаруженных в библиотеке Львовского национального музея, – это описания чудес в Жировицком монастыре, датированные 1622 г. (Суша 2009, 2011). Публикация более поздних документов униатской церкви осуществлена в книге под ред. Д. В. Лисейчикова «Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг.: зборнік дакументаў» (Минск 2009). Игорь Климов пишет также о попытках передать латинкой – польским письмом – церковнославянские тексты, на-

пример «Eсphonemata liturgiey Greckiey», изданные Пахомом Агилевичем в 1671 г. в Вильно (Клімаў 2013: 64).

Говоря об оригинальной художественной литературе на старобелорусском языке, в первую очередь вспоминают фрагменты текстов, цель которых – стилизация народной речи, а после и собственно передача такой речи. В драматургии это интермедии и интерлюдии XVII–XVIII вв. к драмам на польском и латинском языках. По словам Г. К. Тивановой, автора диссертации о белорусском языке XVIII в., «самый первый из известных нам персонаж-белорус появился на сцене театра Виленской академии в пьесе Каспара Пентковского «Тимон Гордилюд» в 1584 году¹. В этом диалоге сапожник (szawiec) произносит всего 10 реплик, язык которых польский в своей основе, однако стилизуется автором под белорусскую народную речь. Таковую же стилизацию находим и в некоторых известных нам по публикациям интермедиях к польским и латинским драмам XVII века» (Тиванова 1989: 29-30). Со стилизацией «под народную речь», с интермедиями и интерлюдиями XVII–XVIII вв. связывает оригинальные латинографичные тексты на старобелорусском языке Е. Ф. Карский (Карский 1921, III: 210–238). Позже появились интермедии, где кто-либо из героев полностью говорит по-белорусски, и даже написанные обоими видами письма: речь героев, говорящих по-польски, передается латинским алфавитом, а речь героев, говорящих по-белорусски, – кириллическим. Ниже приведена страница рукописной комедии XVII в. «Селянін на споведзі», где речь героя-поляка передается латиницей, а речь мужика-белоруса и его сына – кириллицей (рис. 1).

И. Климов упоминает попытки передать польским письмом «руськую мову» в польских художественных текстах – в поэзии, в частности, поэму «Deketeros akroааа» Андрея Римши (Вильно, 1585); «Rozmowa jednego Polaka z Moskwą na zamku moskiewskim anno 1601» Гальяша Пельгримовского; «Dialog, abo Rozmowa Mačka z Dyonizym Popem Schizmatyckim Wileńskim» Касьяна Саковича, Краков 1642 (Клімаў 2013: 64).

¹ Текст опубликован в книге: *Dramaty staropolskie*, Т. II, S. 471–474. Тут с главным героем Тимоном беседует «szewieckiego [...] Molodziec ремесла miasta Wilensko».

Что касается других светских произведений, то среди памятников исторической литературы малых жанров (дневники, записки и под.) я не нашла упоминаний о более ранних латинографических текстах, чем известные «Прамова Мялешкі» («Прамова Івана Мялешкі, кашталяна Смаленскага», 1я пол. XVII в.; впервые опубликована в 1819 г. Ю. Немцевичем, Варшава) і «Ліст да Абуховіча» (1655, впервые издан в 1927 г. Д. И. Довгяло, Минск).

Георгий Голенченко пишет о произведении, уже опубликованном в 1650 г. в «Друк Віленскай акадэміі» (т.е. написана она была значительно раньше). Это произведение имело довольно длинное название:

BANKIET Albo HISTORIA Jako Adam bankietował trzech Synow swoich iuż żonatyh z pokrewnemi y Przyjaciółmi, Tudziesz Iana młodzieńca pobożnego y mądrego i co za koniec tego Bankietu tak zły iako y dobry, Rzecz niemniej ucieszna iako i pożyteczna ku czytaniu, osobliwie przy bankietach y biesiadach Przyjacielskich przez Ia iestem, który iestem [...] Za dozwoleim Starszych.

Тексты такого рода требуют атрибуции по языку. По поводу приведенного документа автор говорит, что это польский язык с очень существенной долей «мясцовой гаворкі» (Галенчанка 2008: 370).

Отдельно нужно сказать о летописях. Из летописных сводов ВКЛ латинкой записаны Ольшевская летопись и Хроника Быховца, а также две городские хроники завершающего этапа белорусского летописания XVII–XIX вв. – Витебская (Панцирного и Аверки) и Могилевская (Сурты и Трубницких). В 2013 г. была защищена диссертация В. К. Мороз «Мова беларускіх летапісаў у кантэксце фарміравання беларускай літаратурнай мовы старажытнага перыяду». Там весьма подробно рассматриваются белорусские летописи и хроники (ПСРЛ 1975; ПСРЛ 1980).

Ольшевская летопись – латинографичный список 1550 г. из рукописного сборника польских переводов разных текстов, в том числе и Статута 1529 г. По мнению Н. Н. Улащика, составителя и редактора 32го и 35го томов ПСРЛ, а вслед за ним других исследователей (Улащик 1985, Мароз 2013: 175, Суркова 2015: 122), это перевод на польский язык, временами весьма несовершенный. Переводчик Ольшевской летописи плохо владел польским язы-

ком и зачастую заменял перевод транслитерацией латиницей польской модификации, причем и польские звуки, и польские графемы передавал непоследовательно и неединообразно.

Примером латинографической транслитерации является также летописная Хроника Быховца, написанная белорусским кириллическим письмом в 1542–1543 гг. и скопированная латинкой польского образца в конце XVII – начале XVIII вв. Хроника Быховца – пример чистой транслитерации, без притязаний на перевод на польский язык или попыток создания польского колорита. Там использован отличный от Ольшевской летописи принцип употребления польских графем (Мароз 2013: 176), причем использован весьма последовательно. Приведем в качестве примера фрагмент, упомянутый в диссертации В. К. Мороз, отраженный в трех разных летописях:

Будучы великому князю Кгидимину при старости своей, и сплдил сем сынов, а осмю дочку, именов Ганну, которую дал до Ляхов в малженство сыну Казымерову Владиславу Локетку (Летапіс Рачынскага // ПСРЛ 1980: 153).

Y kniażył kniaź wieliki Gidymin mnoho let na kniastwie Litowskom, Ruskom y Żomoyskom, [...] do wielikoie starosty swoieję. I spłodył sem synow y doczku osmiiu imenem Hannu, ktoruui dał do Lachow w małżenski stan Kazimirowi, Władysławu Łokietku (Хроніка Быхаўца // ПСРЛ 1975: 138).

Będąc wielkiemu xiędzu Jedimontu przy starosci swei, i miał siedm sinow, osmą doczkę, imieniem Anna, którą dał do Lachow małżonką sinowi Kazimirowemu, Władisławu Lubiertu (Альшэўскі летапіс // ПСРЛ 1980: 181).

Витебская (Панцирного и Аверки) и Могилевская (Сурты и Трубницких) хроники XVII–XIX вв., по мнению В. К. Мороз, свидетельствуют о переходе с белорусского языка на польский (Мароз 2013: 16): в хрониках есть фрагменты, написанные кириллицей по-старобелорусски и латинкой – по-польски.

Среди латинографических рукописей встречаются очень любопытные экземпляры в научном стиле. В уже упомянутой книге Г. Я. Голенченко описал рукописный альбом Бернадони (конец XVI–XVII вв.), содержащий письменные комментарии, проектные и обмерные чертежи зданий, которые строились в Несвиже по инициативе Николая Кристофа Радзивилла Сиротки. Исто-

рия этого альбома просто детективная, и он очень любопытен по языку:

*Koscioł nizweżki, to jest sredzina kosczoła tego, ktorí stoj na tih filarach [...].
Wieża kosczoła tego, która na wierchu urobiona (аркуш 18 v).*

На основании содержания, характера чертежей и языка (писал явно иностранец) самые ранние записи в альбоме приписываются Марии Джованни Бернадони (1541–1605), который работал в Несвиже с 1586 по 1599 гг.

Одним из ранних латинографических текстов на старобелорусском языке считается надпись на колоколе в д. Молодово (Ивановского района Брестской области).

Описание самого колокола и надписей на нем приводится в Энциклопедии «Великое княжество Литовское» (см. электронную версию – <http://vkl.by/articles/2152>, статья «Моладаўскі звон»):

«MARCZIN HOFMAN MNIE SLIWAL ROKV 1583
(Марцін Гофман мяне адліў у 1583 годзе).

На таліі вялікі надпіс у чатырох слупках па 13 радкоў:

[1]

NA WIECZNA PAMIEC BŁAHOWIERNEHO •
CHRISTOLWBIWOHO WIELMOZNEHO • PANA • IE •
MCZY PANA WOINY MATFIEWICZA
HRYCZYNA NARECZENNOHO WO S KRE
SZCZENIV BORYSA KASZTALANA MSCISL
AWSKIEHO STAROSTI OSKOHO PERE
LOMSKOHO VBORTSKOHO PODKOMOROHO PINSKO
HO I MALZONKI IE^o MSZY BŁAHOWIERNEY
PANY BONDANY YANVSZOWNEI LIVBEL
SKIEY NARECZENNEY WO S KRESCZENNIY
MELANIEI POWIELENIEM Y NAKLADOM ICH
MCZY PRZES SINA ICH MCZY PERWORO
DNOHO CWSIAKO BO OTROZA LOZESNA RAZWIERZAIA

[2]

SWIATO • BOHOWI • BŁAHOWIERNEHO • Y CHRI
STOLIVBIWOHO • PANA • IEHO • MCZI • PANA •

SIEMIONA • WOINY • STAROSTV • POMORSKOHO
POLONGOWSKOHO • Y GORZDOWSKOHO • TI
VVNA • ZEMLI • ZOMOCCI • VZWENCKOHO •
Y REWIZORA • KROLA • I • M * TOT • ZWON • IEST •
VLAN • SLAWNIM • MIESCIE • KOWNIE • I NADAN •
DO • CERKWI • BOZY • W YMYENIV • ICH • M • OTCZYSTOM
W MOŁODOWIE • NA WIEKI • NIEPORVSNZO *
ZYLŁ • IE^o • M • PAN • WOYNA • KASZTALAN • MSTISLAWSKI •
NA TOM SWIETE WIEKU SWOIEHO LET BLIZV •
DEWYETIDESIAT PREBIWAIACZY Z MILA MALZONKA
IE^o M • W STANIE • S • MALZONSKOM PANIA • BODANA • W BO

[3]

IAZNI • BOZY • POD • MIŁOSIERDEM • IE^o S
W DOBREI • IEDNOSTAINI • MCZY • Y • ZHO
DIE • Y W ZAKONIE • STAROZYTNOM • CERKVI •
SOBORV • HRECZESKOHO : Z MOŁODOSTI • Y W SR
EDNICH • LETECH • IE^o • M • DOBRYM • RYCEREM
BVDVCZY • Y • ZACNICH • VTTIWICH • SLAWNICH •
PRODKOW • ROZAIV • SWOIEHO • NASLADVVCZY
KROŁOM • ICH • M • Y • W • X • L • Y • RECZY • P • DOBRE •
SLVZECZY
ZACNYCH • VREDOW • DOSTVPIL • Y SENATOM • WIELKIM •
ZACNIM
W RADIE • KROLA • I • M • BYL • NADTHO • Z MIŁOSIERDZIA BOZE
HO • W BOIAZNI • IE^o • S • Z MILA • MALZONKA • IE^o • M • DOBRE
VTTIWE • POTOMSTWO • CNOTLIWE • SYNY • Y DOCZKI • SPŁO
DIL • Y IM • IAKO • PATRIARCH • IAKOB • SYNOM • SWOYM
BLAHOŚLAWIL

[4]

WIELIKE POTECHY Y RADOSCI ZO WSICH DIETEK SWOICH CHWALA
DAL SYNOM SWOICH NA VTTIWICH ZACNICH VRADIECH V SLAWICV
W RADZIE KROLEWSKIM WIDEL Y SYNY SYNOW SWOICH DO CHRZTV
S NA RUKACH SWOICH ODDAWAL Y IM BLAHOŚLAWIL VCZICIWIE
TESZ DOCZKI VCZICIWIE DOBRZE W DOMV SWOIM WYCHOWANE
PRY ZYWOCYE SWOYM W STAN S MALZENSKI ZA DOBRZE VTTIWIE
LVDI W DOME VCZCYWE SZLACHECKIE Z BLAHOŚLAWIENSTWEM
SWIM OTCOWSKIM WYDAWSZY S POTOMSTWA YCH WNVCZAT
SWOICH I PRAWNVKOW SOZDAL Y LETA OD TWORCA HOSPODA BO-
HA ZYWOTA IE^o M ZAMIERONIE W MIŁOSIERDY BOZIM W DOBRYCH
DNECH I POTECHACH SWOICH PROWADZIWSZY KV HOSPODV BOHV
OTIEDIE Y DVCHA SWOIEHO W RVCE HOSPODNIIE ODDAL A W ZY-

WOT WIECZNY STOWO SWIETNEHO ZYTIA PRESTAWILSIA IE⁹ M PAN
KASZTALAN MSTISLAWSKI W IMIENIV IEHO M OTCZYZNOM
PORECV ROKV BOZEHO 1582 DNIA 15 MIARA.

([1] На вечную памяць дабравернага хрысталулюбівага вяльможнага пана яго міласці пана Войны Мацвеевіча Грычына, названага ў святым хрышчэнні Барысам, кашталяна мсціслаўскага, старасты ожскага, пераломскага, убарцкага, падкаморыя пінскага і жонкі яго міласці дабравернай пані Багданы Янушаўны Любельскай, названай у святым хрышчэнні Меланьняй, загадам і накладам іх міласцей праз сына іх міласцей першароднага (ускія бо отракі, што лона расчыняюць, [2] святых Богу) дабравернага і хрысталулюбівага пана яго міласці пана Сямёна Войну, старасту паморскага, палангаўскага і горждаўскага, цівуна ўжвенцкага ў зямлі Жамойцкай і рэвізора караля яго міласці гэты звон адліты ў слаўным месце Коўне і даны ў царкву Божую ў маёнтку іх міласцей вотчынным у Моладаве на веці непарушна. Жыў яго міласць пан Война, кашталян мсціслаўскі, на гэтым свеце веку свайго гадоў блізу дзевяноста, будучы з мілай жонкай яго міласці ў стане святым сужэнскім паняй Багданай у боязі [3] Божай пад міласэрнасцю яго святой у добрай аднастайнай міласці і згодзе і ў законе старажытным царквы сабору грэцкага, з маладосці і ў сярэдніх гадах яго міласць добрым рыцарам будучы і зацных, пачцівых, слаўных продкаў родам сваім наследваючы, каралям іх міласцям і вялікім князям літоўскім і Рэчы Паспалітай добра служачы зацных урадаў дасягнуў і сенатарам вялікім, зацным у радзе караля яго міласці быў. Акрамя таго з міласэрнасці Божай у боязі яго святой з мілай жонкай яго міласці добрае, пачцівае патомства цнатлівае, сыны і дочки парадзіў і іх, як патрыярх Якаў, сыноў сваіх благаславіў [4], вялікія ўцехі і радасці з усіх дзетак сваіх хвала даў сынам сваім на пачцівых, зацных пасадах, у лавіцу ў радзе каралеўскай бачыў, і сыноў сваіх сыноў да хросту святога на руках сваіх аддаваў і іх благаславіў пачціва. Таксама дочки, пачціва, добра ў доме сваім выхаваныя, пры жыцці сваім у стан святы сужэнскі за добрых, пачцівых людзей, у дамы пачцівыя, шляхецкія з благаслаўненнем сваім бацькоўскім выдаўшы, з патомства іх унучат сваіх і праўнукаў стварыў і ў год ад творцы госпада Бога жыцця яго міласці вызначаны, у міласэрнасці Божай у добрых днях і ўцехах сваіх правадзіўшы, да госпада Бога адышоў і дух свой у рукі гасподні аддаў, а ў жыцці вечнае з гэтага светнага жыцця сышоў яго міласць пан кашталян мсціслаўскі ў маёнтку яго міласці вотчынным Парэччы ў год Божы 1582 дня 15 мая)» (Пазднякоў 2015).

В тексте есть церковнославянизмы (*KRESZCZENIV*), однако его относят к старобелорусским на том основании, например, что здесь фрикативный [г] (передается на письме как *H*), белорусское атрибутивное окончание *-ogo* (*-ОHO*) в отличие от польского *-ЕНО*, встречается полногласие (*PERELOMSKOHO*).

Деловая латинографическая письменность на старобелорусском языке

Наиболее многочисленны латинографические тексты на старобелорусском языке, относящиеся к деловой письменности.

Среди ранних старобелорусских латинографических юридических документов Павел Давидовский (Давідоўскі 2013) называет «Прыведей караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта III Вазы, нададзены гораду Віцебску на “Магдэбургскае права” у 1597 годзе». Этот документ опубликован в книге [Витебская старина 1883]. Первый том «Витебской старины» А. П. Сапунова является ценным сборником документов по политической, экономической, религиозной жизни Полотчины и Витебщины². «Прыведей караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта III Вазы, нададзены гораду Віцебску на “Магдэбургскае права”. 1597 год. Марта 17» помещен А. П. Сапуновым под номером 37 (с. 74–82) и взят из «Книги Привилегій г. Витебска» (№ 2. Ср. Акты, относящиеся к истории Западной России, IV, № 118). В издании А. П. Сапунова текст передан кириллицей, однако есть фотокопия первой страницы (рис. 2), из которой следует, что документ написан латинкой:

*Žigimunt trettiy Bożoiu Miłostiu Korol Polski Welikiy Kniaz Litowski
Ruskiy Pruski, Źmoydski Mazowecki Inflianskiy, a Szwedzkiy, Khotski
Wandalski Dedyczny Korol*

*znaymuiem Sim Listom Naszym, wsim wobec i Każdomu Zosobna, Nynisz-
nim Inapotym Buduczym Komubyto Wedati Należało Iż sławetnyy Mesz-
czane konnye Poselskiie i vse Pospolstwo Mesta Naszego Witebskaho, Maiu-
czy Z dawnych Czasow Welikiie Wolnosti, Odprodkow Naszych Koroley Ich
Miłostey Polskich Iwelikich Kniazey Litowskich Im Nadanyie otnemaiuczy
Tolko Prawa Magdeburskaho, Buduczy Podprisudom Zamku Naszoho Ta-
mosźniaho Nemohli Kudoskonatomu Poradku, IRozszyreniu Toho mesta Na-
scho Prywesti IRozmnożyti, IBili Nam Hospodariu Czotom Wsi ohutom
czrezposlancow swoyich Aby Iesmo Dialepr(sz)ahoz Rozmnożenia Toho mesta
Ukraynskaho (!) Iporadku Ukraynskaho Iporadku Prykładom Prodkow Na-
szych wyzwoliwszy, Ich Odwszelakoi władzy, Zwerchnosti wradu woie-*

² Он доступен в Интернете на образовательном портале Adverbium.org, созданном преподавателем Полоцкого университета В. Черевко (<http://adverbium.org/ru/s-sapunovstar1.htm>).

wodzkaho Zamkowoho Inszych wradow Zemskich Prawo Maydeburiskoie Im Nadali Iprywileiem Naszym Wtwerdili (Витебская старина, 74–75).

Этот документ традиционно называют белорусским, т.е. написанным на старобелорусском языке.

В том же томе «Витебской старины» есть более ранняя привилегия 1551 г. (№ 24, сс. 47–49), также писанная латинкой, – «Привилегия и декретъ короля Сигизмунда Августа» (Из «Книги Привилегій г. Витебска», № 41):

Zyghimont Awgust Bożiu Miłostiu Korol Poslkiy (!) Welikiy kniaz Litowskiy Ruski Pruski żomoytski Mazowieckiyy Lynnych, Smotrili Jesma Toho dila s Pany-Radami Naszymi. Stoidal Perednami Ocze-wisto zakowali Nam Woyt y wsi Mieszczane Mesta Naszoho Witebskaho Na oreliiakona Wilenskaho Plebana Tamoszneho Witebskaho Na Xendza Iezofa Iasenskaho, Iż Dey on Boronit Nam kupożytku Mestskomu korczmy Horel-cżanoie (!) Meti

(Рис. 3).

Витебскимъ мѣщанамъ дозволяется имѣть пивовареніе, медовареніе и винокуреніе, но только для своей потребности, а не для продажи; дозволяется также имѣть ежегодно три братскіе склады-кануны (składy kapiny): въ день Пр. Богородицы, въ день св. Симеона и въ день св. Михаила. 1551 года Декабря 28. (Витебская старина, 47–49).

Второй приведенный документ никогда не называли белорусским, хотя отличий в языке нет (например, и там, и там употребляется полногласие – *король*).

Многие деловые памятники изданы, например Статут Вялікага княства Літоўскага (1529, 1566, 1588; как известно, в ВКЛ в XVI в. был издан только последний); Трибуналь (Вильня 1586); Литовская метрика (Русская историческая библиотека. Т. XX – СПб., 1903; Т. XXX – Юрьев 1914) и мн. др.:

В полном своем виде метрика имела свыше 550 томов и содержала материалы XIV – XVIII вв., причем документы от XIV до начала XVII в. в большинстве написаны на белорусском языке, позднейшие – на польском и латинском (Журавский 1978: 186).

Метрика ВКЛ издавалась частями в разных местах, есть электронная база данных на сайте «История Беларуси IX–XVIII вв. Первоисточники». Эти и многие другие деловые документы ис-

пользованы в Гістарычным слоўніку беларускай мовы (Мінск 1982-); многие опубликованные, а также рукописные сборники названы у Е. Ф. Карского (Карский 1921: 116).

Большая часть текстов деловой письменности не опубликована и хранится в разных исторических архивах Минска, Гродно, Санкт-Петербурга, Москвы, Вильнюса, Варшавы, Киева, Львова и др.

О количестве созданного в XV–XVII вв. актового материала можно судить лишь приблизительно по позднейшим его собраниям. Так, в Виленский центральный архив, созданный в 1852 г. специально для хранения древних актов, было доставлено из городов и местечек Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерний 17767 актовых книг, –

пишет А. И. Журавский со ссылкой на Энциклопедический словарь под ред. И. Е. Андреевского (СПб. 1890. Т. II. С. 262) (Журавский 1978: 187).

Т. В. Биндич в статье «Рукописная белорусская латинка» утверждает, что белорусские латинографические тексты появляются с середины XVI в. (на основании работы в Гродненском историческом архиве, где она обнаружила 44 листа таких рукописей), и среди наиболее ранних называет выписку из «Справы аб закладзе памешчыкам Вайніловічам памешчыку Адамовічу зямельных уладанняў у маёнтку Манцякі Ваўкавыскага павета» (2-я пол. XVI в.), где автор и обнаружила знак U (подобный греч. «гамма») для передачи Ў. В той же работе приводятся таблицы соответствий латинских рукописных букв кириллическим печатным отдельно для 2-й пол. XVI в. и XVIII в. (Біндзіч 2001: 187–193).

По словам А. И. Журавского,

если сопоставить роль старобелорусского литературного языка в области светско-художественной и религиозной литературы с его значением и функциями в общественно-политической и экономической жизни, то неизбежно приходится делать вывод, что старинная деловая письменность эпохи Великого княжества Литовского как раз и была основной, важнейшей сферой применения старобелорусского письменного языка. [...]. Существенным также является вопрос об отношении актового языка к разговорной речи различных социальных слоев старобелорусского населения. Основу тогдашнего населения составляло крестьянство,

поголовно неграмотное, и его диалектная речь, естественно, была далекой от письменного актового языка с его специфическим синтаксисом, канцелярскими штампами и юридической терминологией. Что же касается тогдашней интеллигенции и вообще высшего класса, то их повседневная речь в значительной мере носила наддиалектный характер и была, несомненно, ближе всего к той форме, которая применялась в деловой письменности (Журавский 1978: 188).

В Трибунале и в Метрике Великого княжества Литовского есть записи как кириллицей, так и латинкой, причем язык, на котором написаны латинографические фрагменты, далеко не всегда может быть однозначно определен.

Например, Статут 1588 г. в 1614 г. был переведен на польский язык. Текст Статута и его перевод на польский язык зачастую буквально совпадают:

Уставиемъ тежъ хотечи то мети и приказиемъ абы в кождо^М таковомъ повете где судъ земьски' естъ в замьку, албо в дворе нашомъ судьа подьсидокъ и писарь земьски' посполу зъ шлахтою, и всими иными станы впатрыли збидовали таковыя места где бы завжды книги земьские беспечне в^Т вшелакое пригоды были захованы прото воеводове и старостове сидовые в кождомъ воеводстве земли повете в замку або дворе нашомъ сидовомъ схованье доброе и варовное постипити имъ на то вини будить.

Ustawuiem też, chcąc to mieć i przykazuuiem, aby w każdym takowym Powiecie, gdzie sąd Ziemijski jest w Zamku або dworze naszym, Sędzia, Podśędek i Pisarz Ziemijski, pospolu z szlachtą i wszystkimi innymi stany opatrzyli, i zbudowali takowe mieysca, gdzieby zawždy księgi Ziemijskie bezpiecznie od wszelakiej przygody były zachowane. Przeto Woiewodowie i Starostowie sądowi w każdym Woiewodztwie, ziemi i Powiecie, w Zamku або dworze naszym sądowym, schowanie dobre i warowne postąpić im na to winni będą (цит. по Жураўскі 1967: 114).

Тем не менее латинографический вариант Статута считается польским переводом, а не транслитерацией. Несмотря на такую близость старобелорусского и польского языков, установленный факт, что Статут появился на старобелорусском языке и впоследствии был переведен на польский, а не наоборот. Доказательством тому более ранний предшественник Статута Вялікага княства Літоўскага – Судзєбнік 1468 г. (Статут вялікага князя Казіміра) и более ранние версии Статута 1529, 1566 гг.

Латинографические юридические документы весьма единообразно передают специфику старобелорусского языка, более по-

следовательно, чем кириллические, где старобелорусские черты затемнялись морфолого-этимологическим принципом орфографии.

Язык деловой письменности Великого княжества Литовского

Язык и графика деловой письменности ВКЛ – предмет отдельных исследований. В частности, о языковой ситуации в ВКЛ, о широком диапазоне градаций и переходных типов между польским и церковнославянским языками и «простой мовой» в ее белорусском и украинском вариантах писал Н. И. Толстой (Толстой 1988: 61–62).

По словам А. Золтана, разделяющего мнение более ранних исследователей, «в основу западнорусского делового языка лег галицко-волинский говор» (Золтан 2014: 26). Автор пишет:

«Язык грамот, как известно, лучше других памятников отражает диалектное членение восточнославянской языковой территории, перерастающее, особенно в XIII–XIV вв., в формирование и консолидацию большинства характерных черт трех восточнославянских языков» (Золтан 2014: 26).

Далее, со ссылкой на Станга, он отмечает:

На протяжении XV в. происходит постепенное перемещение диалектной основы языка литовской великокняжеской канцелярии. Если при Ягайло из-за преемственности между польской королевской «русской» канцелярией и литовской великокняжеской в великокняжеских документах преобладают украинские диалектные черты, то при Казимире IV (1440–1492) заметно возрастает число грамот, написанных белорусскими писцами (Stang 1935, 50–51), и в следующий период, в годы правления Александра (1492–1506) и Сигизмунда I (1506–1548), вырабатываются относительно устойчивые нормы делового языка; этот период Станг называет периодом «классической формы литовско-русского языка» (Золтан 2014: 35).

Церковнославянско-«русский» и белорусско-украинский континуум в достаточной степени исследован лингвистами. Однако градация «чистый» польский язык XVI–XVIII вв. – «польщизна

кресова” с элементами старобелорусского языка и диалектов, распространенных в то время на территории ВКЛ – полонизированный старобелорусский язык – старобелорусский язык с вкраплениями полонизмов на разных уровнях языка – “чистый” старобелорусский язык (не затрагивая вопрос о соотношении официального “русского языка” и народно-диалектной речи)» не рассматривалась как научная проблема. Вопрос о разграничении польского и старобелорусского языков не ставился, поскольку традиционно тексты на этих языках различались графически.

В. К. Мороз пишет:

Даже механическое переписывание кириллических текстов латинкой нередко подается в историографической литературе как перевод с русского языка на польский (Мароз 2013: 177).

И далее:

Общеизвестно, что в научной практике XIX–XX вв. польский язык в Беларуси отождествлялся с латинским шрифтом, а русский – с кириллицей. Поэтому исследователи, принимая во внимание латинский алфавит многих белорусских источников, иногда склонны традиционно относить их к польскоязычным, без учета того, что в истории белорусской письменности латинка использовалась для передачи как польского, так и белорусского языка (Мароз 2013: 182).

Сказанное безусловно верно и для более ранних периодов существования белорусского языка.

Вопрос о соотношении польского и старобелорусского языков в латинографичных текстах такого рода практически не ставился. В работах современных белорусских историков (которые гораздо активнее, чем лингвисты, занимаются старыми текстами, но эти тексты интересны им в фактографическом плане, а не в языковом) язык латинографичных текстов определяется на основе графики: писанный латинкой – значит польский, писанный кириллицей – значит «русский» (старобелорусский или староукраинский). Или же все документы называются белорусскими – по месту создания.

В лингвистике изучалось польское влияние на старобелорусский язык, белорусизмы в польском языке, местные варианты (в

нашем случае на территории ВКЛ) польского языка – т. наз. «польщи́зна кресова» (см., например, Kurzowa 1993). Однако «широкий спектр вариантов», говоря словами Н. И. Толстого, между белорусским и польским языками не привлекал внимания исследователей, и «диапазон градаций» между польским и “русским” языками изучен и описан недостаточно.

Черты полонизмов в текстах на «русском» языке названы в Гісторыі беларускай літаратурнай мовы:

- 1) носовые гласные;
- 2) неполногласные сочетания *po, lo*;
- 3) сочетание *dl* в середине слова;
- 4) сочетание *je* в начале слова;
- 5) *e* на месте восточнославянского *o*;
- 6) сочетания *ap, lo* на месте восточнославянского *op, ep, ol*;
- 7) *p* на месте восточнославянского *po*;
- 8) *ц* на месте вост.-слав. *ч*;
- 9) сочетания *ke, ge*;
- 10) специфическая аффиксация: префикс *зу-*, суффикс *-щизн-а, -ск-о* (Шакун 1984: 90–91).

В Барщевская (2013: 129) помимо обозначенных выше упоминаются также

- 11) *a* на месте белорусского *e*;
- 12) сочетание *гв*;
- 13) отсутствие *л* эпентетикум после губных согласных;
- 14) буквосочетание *кг* для взрывного [г].

Черты собственно «русского» (т. е. старобелорусского) языка в сравнении с церковнославянским проявляются, по мнению А. И. Журавского, уже в Смоленских грамотах 1229 г. (Жураўскі 1993), а полностью представлены в белорусской грамоте полоцкого епископа 1300 г. (Свяжынскі 2001). Эти черты перечислены В. М. Аниченко (Анічэнка 1994: 90) и позже суммированы В. М. Свежинским (Свяжынскі 2001):

- 1) *e* на месте *ѣ*;
- 2) переход *e* в *o* после шипящих;

- 3) переход суффиксального *л* в *в* в формах глаголов прош. вр. муж. рода един. числа;
- 4) замена *в* на *у* перед согласными;
- 5) чередование заднеязычных *z*, *κ*, *х* со свистящими *з*, *ц*, *с*;
- 6) чоканье (смешение *ч* и *ц*) – особенность смоленско-полоцких говоров;
- 7) употребление вещественных и абстрактных, реже конкретных существительных мужского рода единственного числа с окончанием *-у* (*-ю*);
- 8) сочетание существительных мужского рода с числительными *два*, *тры*, *чатыры* в форме мн. числа с окончанием *-и* (*-и*);
- 9) формы на *-и* предложного падежа в существительных с мягкой основой;
- 10) падежные формы неличных существительных с корневыми гласными *ы*, *и* вместо *ь*;
- 11) увеличение числа названий предметов домашнего обихода, которые и сейчас выражают специфику белорусского языка (*жито*, *кривда*), специфических белорусских глаголов (*боронити*, *ведати*) (Свяжынскі 2001).

Далеко не все из перечисленных черт старобелорусского языка релевантны для дифференциации его с польским. Е.Ф. Карский к таковому относит только «отсутствие носовых *ą* и *ę*, *с* вместо *ч*, *dz* вместо *ж*, полногласие» (Карский 1921: 210).

Принципы передачи старобелорусского языка средствами латинской графики

Существует ряд работ, посвященных принципам передачи старобелорусского языка средствами латинской графики. В. К. Мороз пишет:

Фонетическая адаптация латинского письма в польской модификации к белорусскому языку предусматривала следующие подходы: на месте носовых гласных писались сочетания *en*, *an*, *on*, звук [r] передавался графемой *r*, в то время как сочетание букв *rz* игнорировалось, написание буквы *g* соответствовало *z*, а буква *h* употреблялась для передачи *z* фрикативного и т.д. Но поскольку

единых правил такого письма не существовало, то [...] перечисленные особенности проявлялись непоследовательно [...]. Мягкость согласных могла обозначаться буквой *i* в сочетании с последующей гласной *a* (*chotiat, stretylisia, tysiaczy*), в то время как звук [э] после мягкого согласного обозначался только графемой *e*, которая в сознании переписчика, возможно, соотносилась с соответствующей буквой кириллического письма (*sebe, semli, nemcy*). Не обозначалась сочетанием *dź* и мягкая аффриката [дз'] на конце слова и перед согласным – вместо этого независимо от позиции употреблялась буква *d* (*dedycze, Gidymin, lude*) и инш. (Мароз 2013: 176).

Передавались также дзеканье и цеканье (*wysadziwszy, połydzień, iezdził, liście*); фонема <ÿ> обозначалась латинским *w* (*Zadunawie, Wzhorie*) (Мароз 2009: 119–120).

Характеризуя белорусскую латинку 18 в., Г. К. Тиванова говорит о том, что в XVII в. для латинографичных старобелорусских текстов были характерны следующие черты:

аканье; функции букв *i, y, j* еще не успели четко определиться; фонема <ш> передавалась буквосочетанием *sz*, <ч> – *cz*, <шч> – *szcz* или – редко – *scz*. <х> – *ch*, <г фрикативный> – *h*, однако непоследовательно, <г взрывной> – *g*. <ж> и <з> часто не различаются и передаются одной буквой *z*, <дж> в написании почти всегда не отличается от <дз'> – *dz*; мягкость согласных <ц'>, <з'>, <с'>, <н'> перед другими согласными или на конце слова передается с помощью надстрочного значка, который, однако, иногда пропускается; мягкость согласных перед гласным обозначается буквой *i* (непоследовательно); <ÿ> передавалась буквами *w* или *u*; мягкие <д'> и <т'> передавались через *dz* и *c* (не всегда последовательно и не во всех текстах, встречаются и *d, t*); оглушение на конце слова передавалось в соответствии с морфологическим принципом; глагольная финаль *-ца* обозначалась непоследовательно; удлинение согласных передается на письме (*zuscio*) в 18 в., в отличие от 15–16 вв., где оно почти не передавалось (Тиванова 1979: 48–72).

Таким образом, в передаче латинкой собственно белорусских языковых черт с XVI по XVIII в. прослеживаются определенные закономерности, хотя латинографическая письменность приспособлялась к старобелорусскому языку неединообразно – общих правил передачи «русского» языка средствами латинской (как правило, в польской модификации) графики не существовало. В частности, эти правила были разными для текстов разных жанров.

Ранняя белорусская латинка была живой письменной системой, допускающей эксперименты в поисках более точной фиксации характерных элементов звукового строя белорусского языка» (Суркова 2015: 123).

Представляется, что для передачи старобелорусских текстов латинкой применим термин «аллография», введенный К. Стопкой по отношению к текстам на польском языке, записанных армянским письмом (Stopka 2013: 110): в обоих случаях не было каких-либо твердых правил.

Многие исследователи отмечают, что при передаче «простой мовы» латинкой особенности старобелорусской фонетики передаются более последовательно, в силу того, что при этом более последовательно реализуется фонетический принцип (Клімаў 2013: 64, Суркова 2015: 123). Г. К. Тиванова пишет:

Передача белорусской речи новой, непривычной для нее графикой в общем имеет свои положительные стороны, так как здесь с самого начала сознательное применение фонетического принципа орфографии становится объективно необходимым (Тиванова 1989: 56).

Автор вспоминает близкое по смыслу замечание академика Е. Ф. Карского по поводу старобелорусских текстов, писанных арабским письмом (Карский 1921: 239–240).

О происхождении латинографичных текстов на старобелорусском языке

Большинство исследователей считают, что ранние белорусские латинографичные тексты были транслитерированы с кириллических оригиналов. Такие транслитерации действительно были, и они были многочисленными, к ним можно отнести, например, объемную Хронику Быховца, написанную белорусским кириллическим письмом в 1542–1543 гг. и скопированную латинкой польского образца в конце XVII – начале XVIII вв. Весьма характерно для ВКЛ, что были и обратные транслитерации (Брэгер 2009), и транслитерации кириллицей латинских текстов (Верхоланцева 2010, Томеллери 2011, Суркова 2015: 110–111), и

транслитерации латиницей церковнославянских текстов (Клімаў 2013: 64).

Бытует и обратное мнение: латинографичные тексты на старобелорусском языке были не только транслитерированными с более ранних кириллических текстов, но и оригинальными.

Рукописная белорусская латинка применялась в XVII-XVIII вв. как аутентичное гражданское (делопроизводство и бытовая переписка) и церковное письмо (Суркова 2015: 123).

Ранние старобелорусские латинографичные тексты разных жанров можно и нужно искать в изданиях и рукописных сборниках среди польскоязычных документов и впоследствии проводить тщательную языковую атрибуцию. Степень «белорускости» или «польскости» таких текстов может быть определена тем же способом, что и характер языка произведений Франциска Скорины, т. е. количественно, с учетом соотношения старобелорусских и польских черт (см. Булька и др. 1990). Соотношение «польские черты – белорусские черты» в таких текстах – это континуум, и, как правило, может быть оценена только степень их присутствия в памятнике, но никак не однозначно квалифицирован его язык. Кроме того, нельзя забывать о том, что может быть определено количественное соотношение польских, старобелорусских (собственно белорусских и украинских) или церковнославянских черт таких текстов (из приведенных примеров понятно, что это соотношение сильно разнилось), однако без характеристики личности писавшего и сопутствующего культурно-исторического контекста такая работа становится бессмысленной, а часто и невозможной. То же самое справедливо и в отношении «старобелорусский – староукраинский» и «церковнославянский – старобелорусский» языки. Об этом писал и Н. И. Толстой:

для официального языка ВКЛ характерны «многофункциональный языковой спектр и большая свобода нормы, при которой соотношение между различными типами, или лучше сказать манифестациями «западнорусского» литературного языка становится весьма скользким (Толстой 1988: 63–64).

Собрания белорусских латинографичных документов XVI–XVIII веков есть в фондах исторических архивов, в частности в Минске

и Гродно. Справедливости ради следует отметить, что они далеко не всегда дифференцированы по языку.

В связи с этим уместно вспомнить термин «гибридный текст». В. М. Живов отмечал, что

одно лишь членение на книжный и некнижный языки для описания языковой ситуации средневековой Руси недостаточно, поскольку и книжные, и некнижные тексты оказываются слишком разнородны по своим лингвистическим характеристикам, чтобы их можно было трактовать как противопоставленные друг другу единства (Живов 1996: 31), –

и предлагал выделять в рамках книжного языка регистр стандартных и гибридных текстов. О гибридных текстах писал и Б. А. Успенский:

Основная масса оригинальных текстов, созданных на Руси, написана именно на гибридном языке. Такого рода тексты обнаруживают стремление пишущих писать по-церковнославянски, однако это никоим образом не стандартизированный церковнославянский язык (Успенский 1997: 126).

Этот термин – в расширительном смысле – применим к языку латинографичных памятников на старобелорусском языке. Гибридность проявляется в соотношении

- 1) церковнославянского языка и «простой мовы»,
- 2) строгой, официально-деловой «простой мовы» и диалектных черт,
- 3) украинских и белорусских диалектных черт и, самое главное,
- 4) «простой мовы» и польского языка.

Такие тексты отражают разные личности писавших и в смысле владения латинским шрифтом, и в смысле преследуемых целей употребления латинки. Владение латинским шрифтом подразумевает не только знание шрифта, но и выбор варианта: польского (наиболее часто), собственно латинского, чешского; понятие о закономерностях передачи фонемного состава старобелорусского языка средствами латинской графики, о степени единообразия при такой передаче. Цели писавшего также могли

быть различными: от прямого перевода (чаще всего на польский язык) до стилизации «под польский» или же сознательного использования латиницы с целью сделать текст понятным жителям ВКЛ, использовавшим латинскую графику. Последнее было весьма актуально в многоязычном государстве, где все в какой-то степени знали язык соседей и могли понимать также письменную речь при условии использования той же графики. Особенно актуальной унификация графики стала после образования федерации, где официальными языками субъектов были близкие «русский» и польский; как известно, эта близость усиливалась в процессе колонизации XVII–XVIII вв. (приведенный выше фрагмент перевода статута это явно продемонстрировал). Часто было достаточно транслитерировать текст, чтобы он стал понятен поляку (при латинской записи) или русину (при кириллической записи). Особенно часто этот способ использовался при создании или «переводе» юридических документов. Нередко это была сознательная тактика, обусловленная как близостью и «понятностью» языков, так и желанием максимально сохранить оригинал. Тот, кто писал такие тексты, скорее всего, владел обоими языками и обеими графиками, и вполне мог выбирать способ письменной фиксации в зависимости от цели и коммуникантов.

Идея гибридного текста как нельзя лучше применима к латинографичным документам на старобелорусском языке. И это повышает вероятность того, что среди текстов такого рода (особенно в деловой письменности) есть не только транслитерации, но и изначально писанные латинкой по-белорусски.

Темой отдельного объемного исследования могут послужить гибридные тексты выходцев из ВКЛ, поселившихся в Московской Руси в XVII в.: Игнатия Иевлевича, Феодосия Васковского, Симеона Полоцкого и др. Наиболее изучено наследие С. Полоцкого (см. Поляков 1999, Подтергер в печ.), писавшего на греческом, латинском, церковнославянском, польском языках. Среди текстов С. Полоцкого встречаются и написанные на “простой мове” (как кириллицей, так и латинкой!), однако тексты такого рода требуют отдельного тщательного изучения и атрибуции. Представим среди иллюстраций только одну фотокопию, любезно представленную И. Подтергерой, из конволюта

Ф.XVII.83, хранящегося в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (см. рис. 4).

Литература

- АНІЧЭНКА (1969) – Уладзімір Васільевіч Анічэнка, *Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі*. Мінск: Навука і тэхніка.
- БІНДЗІЧ (2001) – Таццяна Уладзіміраўна Біндзіч, *Рукапісная беларуская лацінка: да пастановкі праблемы*. «Беларускі археаграфічны штогоднік» 2: 187–193.
- БАРШЧЭУСКАЯ (2013) – Ніна Баршчэўская, *Этапы развіцця старабеларускай мовы ў кантакце з мовамі суседніх народаў*. «Acta Albaruthenica» 13: 123–135.
- БРЭГЕР (2009) – Герман Брэгер, *Рэдкі ўзор транслітэрацыі кірыліцай польскамоўнага дакумента канца XVI ст. у Вялікім Княстве Літоўскім*. «Silva rerum nova. Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Якаўлевіча Галенчанкі», Вільня—Мінск, 53–54.
- БУЛЫКА І ІНШ. (1990) – Аляксандр Мікалаевіч Булыка, Аркадзій Іосіфавіч Жураўскі, Уладзімір Мітрафанавіч Свяжынскі, *Мова выданняў Францыска Скарыны*. Мінск: Навука і тэхніка.
- ВЕРХОЛАНЦЕВА (2010) – Юлія Владимировна Верхоланцева, *Кириллическая запись латинских молитв и отрывка чина мессы из рукописи Синодального собрания ГИМ № 558*. «Древняя Русь и вопросы медиевистики» 2 (40): 74–90.
- ВИТЕБСКАЯ СТАРИНА (1883) – *Витебская старина*, сост. Алексей Парфенович Сапунов. В 5 т. Т. 1. Витебск: Типография губернского правления.
- ГАЛЕНЧАНКА (2008) – Георгій Якаўлевіч Галенчанка, *Невядомыя і малавядомыя помнікі духоўнай спадчыны і культурных сувязей Беларусі XV – сярэдзіны XVII ст.* Мінск: Беларуская навука.
- ГРУША (2015) – Александр Иванович Груша, *Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.)*. Мінск: Беларуская навука.
- ДАВІДОЎСКІ (2013) – Павел Давідоўскі, Беларуская лацінка. «ARCHE», 16 ліпеня. <<http://www.arche.by/by/page/science/>>. Date of access: 01.07.2014.
- ЖИВОВ (1996) – Виктор Маркович Живов, *Язык и культура в России XVIII века*, Москва: Школа «Языки русской культуры».
- ЖУРАВСКИЙ (1978) – Аркадий Иосифович Журавский, *Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка // Восточнославянское и общее языкознание*. Москва: Наука, 185–191.
- ЖУРАЎСКІ (1967) – Аркадзь Іосіфавіч Жураўскі, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка. Т. 1.
- ЖУРАЎСКІ (1993) – Аркадзь Іосіфавіч Жураўскі, *Беларуская мова // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Том 1*. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі.

- ЗОЛТАН (2014) – Андраш Золтан, *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва: Индрик.
- ИВАНОВ (2003) – Вячеслав Всеволодович Иванов, *Славянские диалекты в соотношении с другими языками ВКЛ // Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов*. Люблина. Доклады российской делегации. Москва. <<http://kogni.narod.ru/gediminas.htm>>. Date of access: 28.06.2013.
- КАРСКИЙ (1921) – Евфимий Федорович Карский, *Белорусы. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская письменность*. Петроград: 12-я Государственная Типография.
- КЛИМАЎ (2013) – Ігар Клімаў, *Функцыянаванне і ўзаемадзеянне розных славянскіх моў і літаратур у Вялікім княстве Літоўскім // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013). Даклады беларускай дэлегацыі*. Мінск: Беларуская навука, 53–72.
- КОЖИНОВА, СУРКОВА (2013) – Алла Андреевна Кожина, Елена Сергеевна Суркова, *Лингвистическая рефлексия в раннем восточнославянском переводе книги Даниила из Виленского Ветхозаветного свода (F 19–262) // Лингвистическая эпистемология: история и современность. XV Международный съезд славистов*. Минск: ПринтЛайн, 64–94.
- МАРОЗ (2009) – Валянціна Канстанцінаўна Мароз, *Лацінскае пісьмо ў гісторыі Беларусі (на матэрыяле летапісаў)*. «Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук» 1, Мінск: 118–122.
- МАРОЗ (2013) – Валянціна Канстанцінаўна Мароз, *Мова беларускіх летапісаў у кантэксте фарміравання беларускай літаратурнай мовы старажытнага перыяду*. Дыс. на атрыманне вучонай ступені доктара філалагічных навук. Мінск.
- МЕЧКОВСКАЯ (1996) – Нина Борисовна Мечковская, *Социальная лингвистика*. Москва: Аспект Пресс.
- ОНЫБЕНЕ (2015) – Паоло Оньибене, *Сложное равновесие алфавитов: кириллица и латиница в контактных зонах // Tomelleri, Kempgen 2015: 209–220*.
- ПАЗДНЯКОЎ (2015) – Валерый Пазднякоў, *Моладаўскі зван // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2*. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. <<http://vkl.by/articles/2152>>. Date of access: 16.10.2016.
- ПЛОТНИКАЎ, АНТАНЮК (2003) – Браніслаў Аляксандравіч Плотнікаў, Любоў Адамаўна Антанюк, *Беларуская мова. Лінгвістычны кампендыум*. Мінск: Інтэрпрэс-сервіс.
- ПОДТЕРГЕРА – Ирина Подтергера, *О чем молчат рукописи? Палеографические и кодикологические данные как ключ к языку и истории (в печати)*.
- ПОЛЯКОВ (1999) – Федор Борисович Поляков, *Иерархия языков и память культуры: польские и неолатинские элементы в поэтике Симеона Полоцкого // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI-XVIII secolo, a cura di Giovanna Brogi Bercoff, Maria Di Salvo, Luigi Marinelli*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 249–266.
- ПСРЛ (1975) – Полное собрание русских летописей / АН СССР, Институт истории СССР; отв. ред. Б.А. Рыбаков. Т. 32. *Хроники: Литовская и Жмойтская, и*

- Быховца. *Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного* / Сост., авт. предисл. и ред. Н.Н.Улащик. Москва: Наука.
- ПСРЛ (1980) – Полное собрание русских летописей / АН СССР, Институт истории СССР; отв. ред. Б.А. Рыбаков. Т. 35. *Летописи белорусско-литовские* / Сост., авт. предисл. и ред. Н.Н.Улащик. Москва: Наука.
- РУДЕНКО (2015а) – Елена Николаевна Руденко, *Латинографическая деловая письменность на старобелорусском языке* // *Матэрыялы XI Міжнародных кнігазнаўчых чытаньняў «Кніжная культура Беларусі XI – пачатку XX ст.»*. Минск: Национальная библиотека РБ, 154–160.
- РУДЕНКО (2015б) – Елена Николаевна Руденко, *Ранние белорусские латинографические тексты как показатель контактной языковой зоны* // *Языковой контакт*. Минск: РИВШ, 140–149.
- РУСАНІВСЬКИЙ (2001) – Віталій Макарович Русанівський, *Історія української літературної мови*. Київ. <<http://litopys.org.ua/gusaniv/>>. Date of access: 28.06.2013.
- СВЯЖЫНСКІ (2003) – Уладзімір Мітрафанавіч Свяжынскі, *Аб статусе беларускай і украінскай моў у часы Вялікага княства Літоўскага*, «METRICIANA: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага» VIII, том II ATHENAEUM: Commentarii Historiae et Culturae. Мінск, 132–163.
- СВЯЖЫНСКІ (2001) – Уладзімір Мітрафанавіч Свяжынскі, *Праблема ідэнтыфікацыі афіцыйнай мовы Вялікага княства Літоўскага*, «METRICIANA: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага» I, том 1 (3) ATHENAEUM: Commentarii Historiae et Culturae. <<http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/historia/metriciana/01/04.htm>>. Date of access: 01.07.2014.
- СУРКОВА (2015) – Елена Сергеевна Суркова, *Азбука и/или Abeceda: об истории графических систем в Беларуси* // Tomelleri, Kempgen 2015: 95–130.
- ТЕМЧИН (2011) – Сергей Юрьевич Темчин, *Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.) и Виленский ветхозаветный свод. «Кнуготуга» 57: 86–99*.
- ТИВАНОВА (1989) – Галина Кузьминична Тиванова, *Особенности языка белорусской письменности XVIII века*. Автореф. дис. кандидата филологических наук. Минск.
- ТОЛСТОЙ (1988) – Никита Ильич Толстой, *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука.
- ТОМЕЛЛЕРИ (2011) – Витторио Спрингфилд Томеллери, *Латинская традиция у восточных славян (некоторые заметки)* // *Античная культура и славянский мир*. Минск: РИВШ, 214–221.
- ТОМЕЛЛЕРИ (2015) – Витторио Спрингфилд Томеллери, *Борьба кириллицы и латиницы на Северном Кавказе* // *Языковой контакт*. Минск: РИВШ, 161–172.
- УЛАЩИК (1980) – Н.Н. Улащик, *Предисловие* // ПСРЛ 1980. – С. 13.
- УСПЕНСКИЙ (1977) – Борис Андреевич Успенский, *История русского литературного языка как межславянская дисциплина* // *Избранные труды*. Том III. *Общее и славянское языкознание*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 121–142.
- УСПЕНСКИЙ (1994) – Борис Андреевич Успенский, *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва: Гнозис.

ШАКУН (1984) – Леў Міхайлавіч Шакун, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Мінск: Універсітэцкае.

ALPATOV (2015) – Vladimir Mikhajlovich Alpatov, *A Latin alphabet for the Russian language*. In: Tomelleri & Kempgen 2015: 1–12.

KURZOWA (1993) – Zofia Kurzowa, *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich: XVI–XX wiek*. Warszawa: Wydawn. Nauk. PWN.

STANG (1935) – Christian Schweigaard Stang, *Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen*. Oslo: I Kommisjon hos Jacob Dybwad.

STOPKA (2013) – Krzysztof Stopka, *Języki oswojane pismem. Alografia kipczacko-ormiańska i polsko-ormiańska w kulturze dawnej Polski*. Kraków: Księgarnia Akademicka.

TOMELLERI (2015) – Vittorio Springfield Tomelleri, *Die kyrillische Schrift als Symbol kultureller Zugehörigkeit und Orientierung*. In: Tomelleri & Kempgen 2015: 221–262.

TOMELLERI & KEMPGEN (2015) – Vittorio Springfield Tomelleri, Sebastian Kempgen (eds.), *Slavic alphabets in contact* (Bamberger Beiträge zur Linguistik 7). Bamberg: University of Bamberg Press. <urn:nbn:de:bvb:473-opus4-261355>.

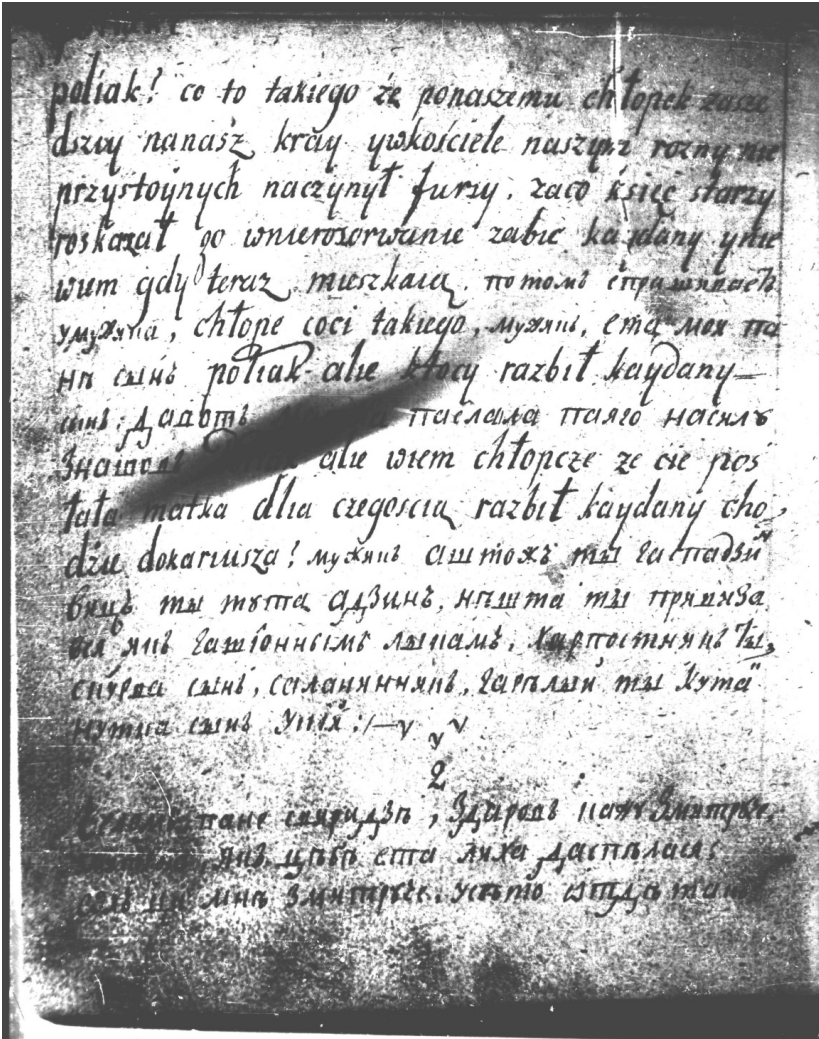

Рис. 1. Страница рукописной комедии XVII в.
«Селянин на споведзі»

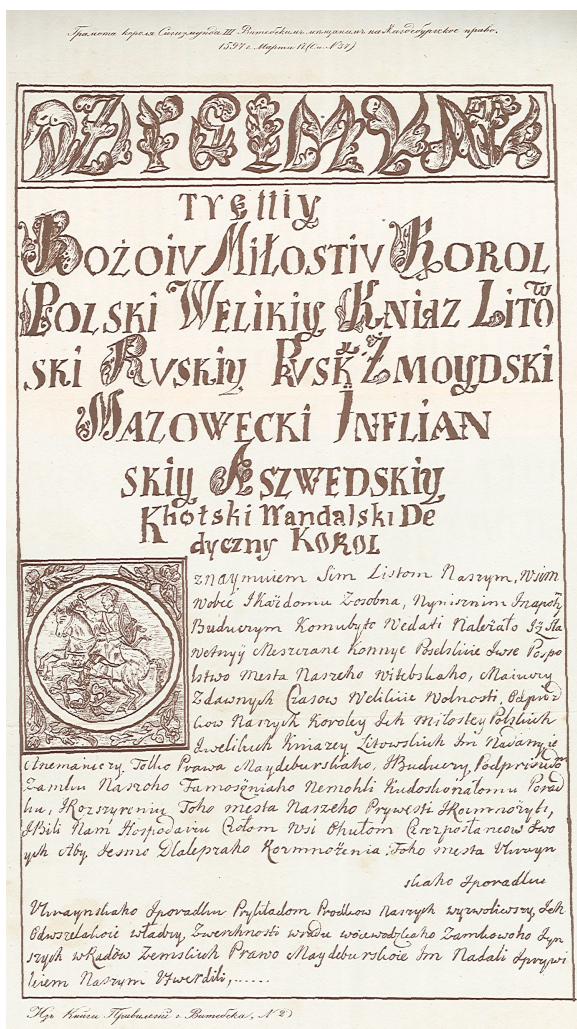

Рис. 2. Привелей караля польскага і великаго князя літоўскага Жыгімонта III Вазы, нададзены гораду Віцебску на “Магдэбургскае права”. 1597 год. Марта 17

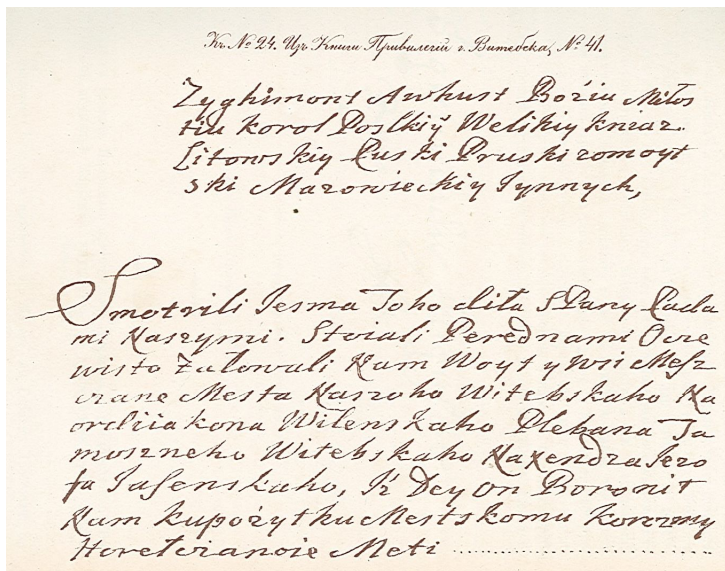

Рис. 3. Привилегия и декретъ короля Сигизмунда Августа

след. стр.:

Рис. 4. Страница из списка F.XVII.83 РНБ в Санкт-Петербурге

